

Е. М. БАЛАШОВ

ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ЦЕНЗУРЫ» АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ЛЕНИНГРАДЕ (1920-е—1980-е ГОДЫ)

Политическое или, лучше сказать, политико-идеологическое значение, которое придавали в свое время идеологи коммунистической партии архивным материалам по истории России XIX—XX вв., на десятки лет определило особый статус этих документов. На разных этапах особенности оценки политически значимых документов и способы их использования видоизменялись, но при этом основные тенденции в подходе к ним оставались неизменными. Это, во-первых, отношение к архивам как к оружию партии в идеологической борьбе со своими политическими противниками. Во-вторых, использование партийными историками монопольного права на доступ к документам для создания мифологизированной революционной истории. И, в-третьих, разработка архивных данных в качестве источника для морального, а в определенный период — и физического уничтожения оппонентов и всех неугодных. Прямым следствием оценки политического значения архивных материалов явилось ограничение доступа к ним узким кругом доверенных лиц. С конца 1980-х годов появился ряд публикаций, анализирующих некоторые аспекты этой темы.¹ Однако никто из авторов этих работ не ставил задачи специально изучить все стороны процесса развития форм и методов ограничения доступа к историческому источнику и его использования. Цель данной статьи — рассмотреть на примере петербургского архива эволюцию политиче-

¹ *Шустерман А. П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // *Советские архивы*, 1988, № 6, С. 44—48; *Пекли О. В.* Политизация архивной системы в 20-е гг.: Кадровый аспект // *Зерцало истории: Двадцать лет кружку истории древности и средневековья*, М., 1992; *Курисев В. Е., Котлякова О. И.* 1) Архивы на службе тоталитарного государства (1918—начало 1940-х гг.) // *Отечественные архивы*, 1992, № 3, С. 13—24; 2) Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920—1930-е годы) // *Отечественные архивы*, 1993, № 5, С. 29—42; *Хорхорджин Т. П.* История Отечества и архивы: 1917—1980-е гг. М., 1994.

ской цензуры в отношении архивных документов за весь период советской власти.

Реформу архивного дела в России советская власть начала в сотрудничестве со старыми специалистами и учеными-источниковедами, включая петроградских историков А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и др., принимавших участие в работе созданного после Февральской революции 1917 г. Союза российских архивных деятелей (РАД). Как известно, принятый 1 июня 1918 г. декрет Совнаркома о реорганизации и централизации архивного дела в стране положил конец ведомственной разобщенности документов. Он провозгласил создание Единого государственного архивного фонда под руководством Главного управления архивным делом (Главархива) в структуре Народного Комиссариата просвещения 17 июля 1918 г. Главархив утвердил положение о своем Петроградском отделении.² В нем было образовано 7 секций, разделенных на 14 отделений, сосредоточивших в себе все имевшиеся в Петрограде документы разных исторических эпох. Архивные фонды местных петроградских городских и губернских учреждений вошли в состав 2-го отделения 6-й секции.³

Члены Союза РАД, входившие в руководство Петроградским отделением Главархива, расценивали архивные документы как общенациональное культурное достояние. Первый руководитель Главархива Д. Б. Рязанов, человек образованный, имевший опыт археографической работы, вполне лояльно относился к идее внеполитичности архивов. Он поддерживал принцип приоритета просветительского и научного использования документов и признавал право каждого исследователя на доступ к архивам. Именно Рязанов и привлек к работе в архивах и к участию в архивном руководстве ученых-историков и опытных специалистов. Доступ исследователей к документам стал свободным. Правила допуска к занятиям в архивах, разработанные в 1919 г., не требовали практически никаких сведений личного характера от желающих работать с документами. Они ввели единственное ограничение: не подлежали выдаче дела, «оглашение которых может быть использовано в нарушение прав лиц, находящихся в живых».⁴

В эти же годы предпринимались попытки издания в Петрограде печатного органа для опубликования архивных источников. Первым был журнал «Исторический архив», единственный номер которого вышел в 1919 г. Второй попыткой стало издание журнала «Дела и дни». С 1920 по 1922 г. вышло три номера, после чего он прекратил свое существование. Его издатели за-

² Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917—июль 1941 г.). М., 1961, С. 98—99.

³ *Котляков А.* Ленинградское губернское архивное бюро (1923—1926) // *Архивное дело*, 1927, Вып. 10, С. 84—86; *Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В.* К истории ленинградских архивов в 1917—1936 гг. // *Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений*, Л., 1970, С. 218.

⁴ *Мавозский И.* 20 лет работы ленинградских центральных архивов // *Архивное дело*, 1938, № 3 (47), С. 134.

явили, что отдают приоритет культурному значению архивного документа и считают своим нравственным долгом содействие культурно-просветительной работе и соблюдение «строго научного характера всего, что появится на страницах журнала».⁵

Этот либеральный период развития архивного дела продолжался недолго и закончился уже в сентябре 1920 г. с приходом нового руководства архивным ведомством из числа партийных идеологов. В начале 20-х годов большевики в лице заместителя народного комиссара просвещения и нового руководителя архивов РСФСР М. Н. Покровского и его заместителя В. В. Адоратского провели полную реорганизацию управления архивным делом в стране. Декретами ВЦИК от 30 января и 20 ноября 1922 г. архивы были изъяты из подчинения Наркомпроса и переданы в ведение ВЦИК и местных Советов, а Главархив заменило Центральное архивное управление (Центрархив).⁶ Это переподчинение не было формальным актом. Покровский особо подчеркивал важное политическое значение передачи архивов из «ученого ведомства», каковым, по его мнению, являлся Наркомпрос, в ведение «центрального политического органа Республики — ВЦИК».⁷

Первым пунктом реорганизации стала тотальная чистка старых, опытных кадров архивистов. Особенно отрицательное отношение у московских руководителей вызывали архивные специалисты, занимавшиеся научной работой. Так, член коллегии Центрархива В. В. Максаков, направленный в 1922 г. для инспекции в Петроград и наделенный чрезвычайными полномочиями, в своем докладе о результатах поездки с возмущением писал: «Каждый занят научной работой, столы их буквально завалены делами, над которыми они работают». Речь шла о петроградских историках, активных публикаторах архивных материалов: С. П. Валке, А. А. Шилове и М. С. Вишневеком. Максаков предлагал тщательно «профильтровать» петроградские штаты. Он писал: «Безжалостно должен быть отброшен балласт, оставшийся нам в наследство от... первого периода деятельности Архивного управления. Нужно создать свой твердый штат сотрудников». Главная задача, которую он ставил, — укрепление Петроградского отделения партийными кадрами, «без которых о качестве сотрудников основных учреждений Центрархива, о политическом контроле говорить трудно».⁸ С 1920 по 1923 г. в Петрограде было уволено более двух третей архивистов,⁹ из которых многие являлись высококвалифицированными специалистами. Было принято специальное решение о «выводе из штата»

⁵ Там же. С. 136.

⁶ См.: *Иветский А. П.* Из истории становления управления архивным делом в СССР: 1918—1941 гг. // Советские архивы. 1988. № 3. С. 19—20.

⁷ *Покровский М. Н.* Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве (Иве речи на съезде архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г.) // Архивное дело. 1925. Вып. 3—4. С. 5.

⁸ Цит. по: *Корнеев В. Е., Котлярова О. Н.* Архивист в тоталитарном обществе... С. 30.

⁹ *Майковский И.* 20 лет работы ленинградских центральных архивов. С. 128—129.

всех научных сотрудников, так как «такой институт не предусмотрен положениями». Одновременно производился набор новых сотрудников из молодых членов партии, не имевших никакой специальной подготовки, а нередко и достаточного уровня образования. Но этот уровень вполне соответствовал кадровой установке, сформулированной Покровским в марте 1925 г. в выступлении на I-м Съезде архивных деятелей РСФСР. «Наши археологические институты, — говорил он, — создавали прежде целые архивные отделения, где учились по 3—5 лет... Мы же считаем, что годичного курса за глаза достаточно, чтобы подготовить архивиста вполне к выполнению его задачи, а задача эта в теперешней обстановке является прежде всего задачей политической».¹⁰ Главную роль в подборе кадров играло членство в РКП(б). Если в 1923 г. среди архивистов Петрограда насчитывалось всего 8% членов партии, то через два года их численность составила более трети всего штата (34%).¹¹ Свыше половины из них имели низшее или общее среднее образование. Работники с высшим образованием были в основном вчерашними студентами и не имели никакого опыта. После безуспешных попыток сохранить наиболее квалифицированных сотрудников из руководства Петроградского отделения Центрархива ушли С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков. Они написали в мае 1923 г. заявление об отставке, мотивируя ее тем, что «нахождение во главе учреждения лиц непартийных... противоречит принятой системе облечь ответственными полномочиями и доверенностью только партийных сотрудников». В августе 1923 г. Максаков повторно посетил Петроградское отделение и с удовлетворением отметил, что новая коллегия стала «коммунистической» и что общее направление работы можно признать правильным.¹² Чистка и «коммунизация» кадров архивистов была первой последовательной акцией по политизации архивной системы Петрограда.

Второй, еще более важной акцией стала политизация самих архивных документов. Главным идейным вдохновителем политизации архивов, также как и проводником этой идеи был глава Центрархива и одновременно заместитель народного комиссара просвещения РСФСР М. Н. Покровский. Суть политического подхода к архивным документам, пожалуй, наиболее точно была выражена им в речи при открытии 2-й Конференции архивных деятелей РСФСР в январе 1927 г. «...Для нас в настоящий момент, — говорил он, — основным значением архивов является их политическое значение. Роль архивов как своеобразного арсенала, откуда берется оружие, которым оперируют до того момента, когда начинает действовать оружие, изготовленное из железа и стали, особенно велика. До этого момента действуют при помощи оружия, хранящегося в архивах».¹³

¹⁰ *Покровский М. Н.* Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве. С. 6.

¹¹ *Майковский И.* 20 лет работы ленинградских центральных архивов. С. 129.

¹² *Корнеев В. Е., Котлярова О. Н.* Архивист в тоталитарном обществе... С. 31.

¹³ Архивное дело. 1927. Вып. 10. С. 5.

Политизация архивных материалов заключалась в выделении из общих архивных фондов политически важных и актуальных, с точки зрения руководителей Центрархива, документов по «истории революции и общественного движения» до Февральской революции и «документов Октябрьской революции» с февраля 1917 г. Выделенные материалы, относящиеся к деятельности общероссийских учреждений, вошли в историко-революционный архив. Документы учреждений местного значения передавались в состав вновь создаваемых губернских архивных бюро, в которых формировались специальные «политические секции». Они сконцентрировали все политически значимые документы дореволюционного периода и большую часть документов с 1917 г.¹⁴

Первой задачей выделения документов политического значения в самостоятельные хранилища было ограничение доступа к этому «арсеналу» политического «оружия» узким кругом партийных историков. Говоря конкретнее, эта мера была проведена для документального обеспечения деятельности организованной в сентябре 1920 г. Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарта).¹⁵ В нее вошло руководство Главархива, а В. В. Адоратский стал одновременно ее секретарем, символизируя объединение института партийной истории с его документальной базой. Организованное в 1921 г. Петроградское бюро Истпарта получило монопольное неограниченное право контроля за комплектованием, хранением и использованием архивных документов политической секции. I-я Всероссийская конференция архивных деятелей, проходившая в Москве осенью 1921 г., утвердила это право в резолюции по докладу Адоратского, в которой говорилось: «Как общее правило, Истпарт своего архива не организует. Архивные материалы хранятся Главархивом и его органами... Главархив и его местные органы оказывают Истпарту и его местным бюро всяческое содействие, организуя хранение материалов по истории революционного движения и по истории современной революции. Кандидаты на пост заведующих историко-революционными архивами намечаются Истпартом... При издании архивных материалов первое место должно быть отведено изданию материалов по истории РКП и истории революции. Вообще публикация документов по истории XIX—XX века должна производиться под контролем Истпарта».¹⁶ Монополизм Истпарта на архивные документы в период 20-х годов простирался до того, что даже органы ОГПУ могли получать архивные документы во временное пользование только «при обязательном... согласовании с местными бюро Истпарта как вопроса о самой выдаче дел, так и вопроса о сроках этой выдачи». В то же время сам Истпарт и его местные бюро могли

получать любые документы на любой срок без какого-либо согласования с Центрархивом.¹⁷

Задачей Истпарта была разработка истории революционного движения в России и истории РКП(б) на основе концепции «классовой борьбы». Партийные историографы были движимы нетерпеливым стремлением к скорейшему созданию собственной «новой истории». Эта работа была объявлена «ударной». Так, М. Н. Покровский в 1921 г. заявил: «Я считаю, что в данный момент нам нужно на некоторые архивы навесить замок: нельзя держать людей науки около бумаг, которые могут через 30 только лет заинтересовать исследователя. Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента».¹⁸ Таким образом все приоритеты были отданы документам, значение которых оценивалось исключительно с точки зрения возможности их использования в партийных интересах для идеологической борьбы с политическими врагами. Собиране, хранение и использование документов этой категории объявлялось «ударным». Остальные материалы оказывались на втором плане в качестве «исторических», представляющих лишь научный интерес.

С января 1923 г. началось размежевание документов центральных и местных — городских и губернских — организаций. При этом все важные в политическом отношении документы центральных учреждений как дореволюционного, так и послереволюционного периода были вывезены в Москву.¹⁹ Из Петроградского отделения Центрархива выделился аппарат Петроградского губернского архивного бюро.²⁰ Оно объединило хранилища документов местных учреждений, фонды которых были распределены по девяти секциям, в числе которых образовалась политическая секция. В ней были сосредоточены все материалы историко-революционного и политического характера. Политсекция была размещена в Смольном, где в то время располагались: Петроградский Совет, Петроградский губком партии и местное бюро Истпарта. Состав фондов политсекции был очень широк. В политсекцию вошла большая часть документов послереволюционного периода, в том числе документы партийных организаций, Петроградской ЧК и местных органов власти: Северной области, города, губернии. Там же хранились и материалы дореволюционных учреждений: секретных архивов генерал-губернатора, жандармских управлений, судов, тюрем, цензуры и т. д.²¹ Документы политической секции были полностью закрыты для посторонних, их использовали исключительно представители Истпарта и Истпрофа (Комиссии по изучению истории профдвижения в России). Принцип «политической» оценки в определении значения доку-

¹⁴ Там же. 1925. Вып. 2. С. 101, 103.

¹⁵ Цит. по: Хорьковина Т. И. История Отечества и армия... С. 110.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 1. Д. 23. Л. 102.

¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 3, 8—11.

¹⁸ Там же. Л. 14; Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В. К истории ленинградских архивов... С. 219.

¹⁴ Сборник руководящих материалов по архивному делу... С. 22—24, 106—107.

¹⁵ СУ РСФСР. 1920. № 80. Ст. 386.

¹⁶ Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 132.

ментов с этого времени прочно закрепился в архивной политике и стал основным критерием для решения вопроса о возможности их использования.

Менее чем через полтора года после образования политических секций в их состав были включены все без исключения документы послереволюционного периода и, таким образом, закрыты для посторонних глаз. В циркулярном распоряжении Центрархива от 2 июня 1924 г. было указано: «Материалы всех учреждений и организаций за время с Февральского переворота 1917 г., независимо от их содержания, включаются в политическую секцию под общим наименованием местного губернского фонда Архива Октябрьской революции». В циркуляре особо подчеркивалась необходимость перевода всех документов политической секции в самостоятельное изолированное хранилище. Для обслуживания этого хранилища формировалась специальная категория партийных архивистов. Необходимость особого подбора кадров хранителей Адоратский мотивировал уже в 1921 г. в докладе на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. «Политическая секция (фондов Архива Октябрьской революции), — говорил он, — имеющая в составе Госархива особое значение и преследующая особые цели, требует к себе особого внимания. Состав сотрудников, стоящих во главе этого архива и организующих в нем работу, должен безусловно быть проникнут сочувствием к основным идеям пролетарского государства... Необходимо, чтобы во главе политических архивов стояли партийные люди». Непременное членство в партии требовалось и от руководителей Губернского архивного бюро, которое с 1927 г. стало именоваться Ленинградским областным архивным управлением (ЛОАУ). Об уровне их профессиональной квалификации свидетельствует то, что из первых восьми начальников этого учреждения, со времени возникновения Губернского архивного бюро и примерно до середины 30-х годов, ни один не имел не только специального, но и высшего образования.

Вместе с тем 20-е годы стали наиболее бурным периодом публикации архивных документов, а это, как известно, — один из эффективных способов сделать архивный источник доступным и для исследователя, и для широкого круга читателей. Публикации этого периода еще не имели жесткого идеологизированного характера, как в более поздние годы. В издании документов участвовали талантливые ученые-источниковеды, как, например, С. Н. Валк, П. Е. Щеголев и др. Из наиболее важных публикаций материалов Архива Октябрьской революции, осуществленных в этот период, прежде всего следует назвать документальный сборник «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов», изданный в 1925 г. к юбилею Октябрьской революции. В него вошли протоколы заседаний Исполнительного комитета Петро-

градского совета и его бюро за март—июнь 1917 г.²⁵ К сожалению, он не долго пробыл в научном обороте. Во второй половине 30-х годов сборник изъяли из основных фондов библиотек и поместили в спецхран. С 1921 г. в Москве начал издаваться выходявший два раза в месяц журнал «Красный архив», публиковавший материалы архивохранилищ. Документальные публикации появлялись и на страницах периодического сборника Ленинградского Истпарта «Красная летопись».

В апреле 1925 г. произошло разделение ленинградских архивных материалов по историческим периодам.²⁶ Созданный в структуре Губернского архивного бюро Архив Октябрьской революции (АОР) объединил фонды организаций с февраля 1917 г. Их основу составили переданные из Смольного 32 тыс. дел с документами советского периода. Архив подразделялся на четыре секции. Первая секция, которая также называлась секцией политики и права, находилась на таком же особом положении, как политическая секция. Ее документы следовало хранить изолированно в специальных помещениях; заведующий секцией, назначаемый из особо доверенных сотрудников, подчинялся непосредственно руководителю Губархивбюро; доступ к материалам жестко ограничивался. Секция политики и права размещалась в хранилищах бывшего архива Министерства императорского двора на улице Воинова, 34. С 1928 г., после реорганизации структуры архива, она стала называться секцией советского строительства, или АОР-1.²⁷ Это было хранилище ограниченного доступа, основная часть документов которого состояла из фондов местных органов власти и управления, а также фондов партийных организаций.

Конец 20-х гг. стал очередным этапом засекречивания архивных документов. Это уже был качественно новый этап, поскольку впервые состав всех закрытых архивных материалов, порядок их хранения и доступа к ним начали определять чекисты. В 1926 г. Центрархив СССР разработал Правила постановки секретного делопроизводства в учреждениях и на предприятиях, которые предусматривали сдачу секретных материалов учреждений в государственный архив.²⁸ В 1928 г. на основе политической секции при ЛОАУ был создан так называемый Секретный архив.²⁹ Архив курировало ОГПУ, оно же определяло состав его материалов, доступа к которым не имел никто, кроме представителей партийных органов и органов правопорядка, но и они — исключительно с разрешения ОГПУ. Секретный архив просуществовал до 1936 г., а затем был разделен на секретные части вновь об-

²² Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 109.

²³ Там же. 1923. Вып. 1. С. 108.

²⁴ Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В. К истории ленинградских архивов... С. 220.

²⁵ Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 82.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 1. Д. 4. Л. 81; Д. 13. Л. 3.

²⁷ Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В. К истории ленинградских архивов... С. 220—221.

²⁸ Ситни В. А., Винogradов Я. Ю. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 19.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 42. Д. 6. Л. 18—20 об., 73—74.

разованных самостоятельных областных архивов, среди которых был и Архив Октябрьской революции.³⁰

С другой стороны, организации, сдающие документы в государственный архив, также получили возможность закрывать свои материалы. В «Правилах пользования архивными материалами» 1926 г. указывалось: «Секретными являются материалы секретного и несекретного делопроизводства учреждений пореволюционного периода, сдаваемые в Центрархив в качестве секретных».³¹ Таким образом, ведомства получили полное право самим определять степень допуска к любым своим документам, произвольно относя их к категории секретных. Кроме того, некоторые могущественные ведомства пользовались правом вообще не сдавать свои документы на государственное хранение. ВКП(б) и ОГПУ еще в 1924 г. вынудили Центрархив РСФСР издать указание о том, что материалы этих всемогущих организаций не допускаются к приему в состав сформировавшейся в то время политической секции Архива Октябрьской революции. В соответствии с «Положением об архивном управлении РСФСР», утвержденном в начале 1929 г., значительно (до 25 лет) увеличили ведомственные сроки хранения своих документов органы Наркомата иностранных дел, Наркомата финансов и некоторые другие.³² Почти одновременно с организацией Секретного архива документы партийных организаций, которые все же попали в политическую секцию Архива Октябрьской революции, были изъяты из ее состава. На их основе в 1929 г. образовался самостоятельный партийный архив при Ленинградском Истпарте³³ со своими, также очень жесткими, правилами доступа к материалам.

Ограничения в использовании архивных документов отнюдь не исчерпывались сферой организации политической секции Губернского архивного бюро и Секретного архива. Уже «Единые правила для всех архивов республики», утвержденные в марте 1923 г., несколько ограничили круг посетителей архива. В правилах было сказано: «К занятиям в архивах РСФСР допускаются лица, известные своими научными трудами или представившие рекомендации или предписания с места их службы или занятий».³⁴ В июле 1924 г. Центрархив утвердил новые «Правила пользования архивными материалами». В них впервые было выдвинуто требование при составлении «заявлений о допущении к занятиям» прикладывать анкету (в двух экземплярах) с указанием партийной принадлежности, цели работы и предполагаемой публикации. Также впервые «Правила» ввели особый пункт с предписанием «предъявлять заведующему помещением для занятий все сделанные выписки, заметки и копии для просмотра, по окончании когото заведующий возвращает их занимающимся с разрешением на вынос». Без такого разрешения вынос выписок

запрещался.³⁵ «Правила» 1924 г. были первым официальным документом, установившим ограничения доступа к открытым материалам, а также фактически возложившим на работников архива функции предварительной цензуры. С 1927 г. требования к работе с документами еще более ужесточились. В частности, с сотрудников начали брать подписку о неразглашении сведений об архивных фондах, усилился контроль над составом исследователей, тематикой их работы и копированием ими документов.³⁶ Совсем уже определенно функции цензуры для архивистов установило «Положение об архивном управлении РСФСР», утвержденное ВЦИК и Совнаркомом в 1929 г. В «Положении» подчеркивалось, что сотрудники архивов не могут быть только простыми регистраторами посетителей архива, но должны нести ответственность за то, кто, как и для каких целей использует документы. Отныне к работе в читальном зале архива стали допускаться люди только в тех случаях, если они были известны архивным органам или же если они представили рекомендации научного или политического характера. Исследователям запрещалось самостоятельно публиковать выявленные материалы.³⁷

Роль архивиста в качестве фигуры, официально противопоставляемой исследователю, еще раз подчеркнул в 1934 г. новый руководитель Центрархива Я. А. Берзин. «Если раньше значительная часть архивных работников была на положении обслуживающего аппарата у научных работников..., — писал Берзин, — то теперь центральной фигурой архивного дела должен стать архивно-технический работник». Но при этом Берзин ставил задачу «очистки архивов от политически не выдержанных и не соответствующих этой работе лиц».³⁸ Параллельно с «очисткой» шел процесс «коммунизации» и «орабочения» архивных кадров. Это стояло на первом месте в кадровой политике Центрархива. Однако служба в качестве архивиста в глазах членов партии была непрестижной, низкооплачиваемой, и они, как правило, не задерживались на работе в архиве. В. В. Максаков на 2-м Съезде архивных работников РСФСР в 1929 г. говорил: «В Центрархив партийцы не идут, предпочитая всякую другую работу архивной. К нам посылают и сами идут очень часто больные, издерганные, усталые люди — „на отдых“, и к тому же в подавляющем большинстве случаев — без всякой архивной и исторической квалификации».³⁹ В ЛОАУ постоянно отмечалась огромная текучесть кадров. В 1932 г. число уволившихся составило более 76% относительно общего числа работавших. Основной причиной текучести была низкая оплата труда.⁴⁰ И все же политика «орабочения» дала свои плоды. По данным Центрархива, на 1 января 1933 г. в архивах РСФСР числилось 320 научных

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 152. Л. 142.

³¹ Архивное дело. 1926. Вып. 7. С. 106.

³² Хархордин Т. И. История Отечества и архивы... С. 157.

³³ Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В. К истории ленинградских архивов... С. 221.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 478. Л. 3—6.

³⁵ Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 116—117.

³⁶ Пека О. В. Политизация архивной системы в 20-е гг.: ... С. 129.

³⁷ Сборник руководящих материалов по архивному делу... С. 35—61.

³⁸ Хархордин Т. И. История Отечества и архивы... С. 174—175.

³⁹ Там же. С. 208.

⁴⁰ Ленинградский архивист. Л., 1933. Вып. 1. С. 28.

работников, а сотрудников с высшим образованием — всего 94 человека. «Даже если считать, что все 94 чел. были научными работниками, — говорилось в официальном документе, — и то получится, что около 70% всех научных работников не имели высшего образования (курсив мой. — Е. Б.). О специальном архивном образовании и говорить не приходится; его имели единицы».⁴¹

Впрочем, с другой стороны, параллельно с чисткой архивистов происходила, если можно так выразиться, «чистка» посетителей архивов. Все большее значение для допуска к работе с архивными документами, приобретала партийность исследователя. В феврале 1927 г. ЦК ВКП(б) разослал циркуляр, в котором местным партийным органам указывалось на то, что «дело разработки архивных материалов всех родов и периодов, в том числе и архивов Октябрьской революции и партийных архивов, требует чрезвычайной осторожности. Поэтому лица, посылаемые в архивы, должны быть проверены, причем посылать на эту работу в архив нужно исключительно членов ВКП(б)».⁴² С каждым годом количество беспартийных исследователей сокращалось. В 1928 г. среди допущенных к работе с документами ЛОАУ было менее 30% членов партии, а в 1932 г. — уже 52%.⁴³ С середины 30-х годов ограничения допуска в читальный зал архива становятся особенно суровыми. Центрархив направил 16 ноября 1935 г. во все подведомственные учреждения циркулярное распоряжение, в котором директора архивов обязывались под страхом строжайшей ответственности проявлять «чрезвычайную политическую бдительность» в отношении посетителей читальных залов. «Недостаточно командировочного удостоверения от организации, — говорилось в распоряжении, — нужна политическая осторожность в отношении тем и активная проверка лиц, посылаемых для работы. Анкеты для лиц, занимающихся в читальном зале, должны отражать сведения о том, не привлекался ли он к судебной или административной ответственности, не состоял ли под судом и проходил ли чистку сов[етского] аппарата... В случае малейших подозрений необходима проверка данных о работе через спецсектор учреждений или отделы кадров».⁴⁴

С конца 20-х годов архивы вступили в новую полосу «ударной» работы, но теперь уже не Истпарт определял ее политическую направленность. Все больше внимания и места в деятельности архива стало уделяться обслуживанию «оперативно-чекистских» интересов ОГПУ по «разоблачению врагов и вредителей». Поиск компрометирующих материалов по заявкам чекистских органов стал особенно интенсивным с начала 30-х годов по мере усиления репрессивных кампаний. Работа по обслуживанию ОГПУ была объявлена приоритетной для архива. В объяснительной записке к плану работ Центрархива РСФСР на 1931 г. ука-

зывалось: «Роль архивов... в развернувшемся социалистическом наступлении по всему фронту, в беспощадной борьбе с отчаянно сопротивляющимся классовым врагом в настоящем плановом году должна быть всемерно усилена. Архивы в данный исторический момент должны в большей мере, чем когда бы то ни было, являться мощным орудием пролетарской диктатуры».⁴⁵ До середины 30-х годов с работой по выявлению компрометирующих материалов более или менее справлялись несколько кадровых сотрудников ОГПУ вместе с помощниками из числа «особо доверенных и проверенных архивистов». Резкий перелом в политике репрессий, а следовательно, и в количестве запросов ОГПУ, произошел после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. Центрархив СССР направил в подведомственные учреждения циркуляр, в котором говорилось: «Раскрытая в связи с убийством т. Кирова подпольная деятельность подонков зиновьевской оппозиции представляет собой новый этап в борьбе этих групп против партии... Все это требует особой политической бдительности от всех советских организаций, и в первую очередь от таких организаций, как наши архивные органы, призванные хранить и использовать ценнейшие политические и исторические документы».⁴⁶ С этих пор архивы стали документальной базой по обеспечению кампаний массовых репрессий.

С 1935 г. на ленинградские архивы обрушилась настоящая лавина запросов. О динамике роста количества запросов в эти годы свидетельствуют следующие цифры: Ленинградским областным архивным управлением за 1926—1927 гг. было выдано около 10 тыс. справок, за 1929—1930 гг. — более 25 тыс., а за 1933—1935 гг. — свыше 96 тыс. справок.⁴⁷ Огромное количество запросов по выявлению «оппозиционеров и провокаторов, проникших в партийные и государственные органы», парализовало работу секретного отдела Архива Октябрьской революции и Ленинградского партийного архива, где штаты допущенных к секретным фондам не превышали 2—5 человек. Рабочий день был значительно увеличен, выходные дни отменены, были мобилизованы на работу по наведению справок коммунисты из числа студентов и пенсионеров, но несмотря на все экстренные меры, в партийном архиве на 1 января 1935 г. оставались неисполненными более 4000 запросов. В Ленинградском партийном архиве работа по выявлению оппозиционеров продолжалась и в 1936 г. и достигла невиданного размаха. За этот год партархив выдал более 7,5 тыс. таких справок.⁴⁸

Одновременно с расширением работы по поиску компромата распоряжением Центрархива была резко сокращена всякая пуб-

⁴⁵ Архивное строительство в Ленинградской области. Июнь 1931 г. Л., 1931. С. 17—18.

⁴⁶ Цит. по: Корнеев В. Е., Котлякова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства... С. 16.

⁴⁷ Мартынов И. Ф., Сердюк Р. В. К истории ленинградских архивов... С. 222—223.

⁴⁸ Корнеев В. Е., Котлякова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства... С. 16—17.

⁴¹ Архивное дело. 1938. № 3 (47). С. 21.

⁴² Корнеев В. Е., Котлякова О. Н. Архивист в тоталитарном обществе... С. 32.

⁴³ Ленинградский архивист. Л., 1933. Вып. I. С. 41—42.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 42. Д. 110. Л. 23.

ликационная деятельность. В связи с этим в Архиве Октябрьской революции прекратилась работа над подготовкой документальных сборников, начатая в первой половине 30-х годов. В числе этих сборников были: «Революционные события 1917 года в Петрограде», «Национализация промышленных предприятий Петрограда» и «1919 год в Петрограде». Работа над этими сборниками была заморожена на долгие годы и возобновилась только в 1945 г.

После убийства Кирова проводилась очередная тщательная чистка штатов архивистов. Центральное архивное управление СССР в феврале 1935 г. разослало специальный циркуляр, в котором говорилось о необходимости усиления политической бдительности сотрудников архивных учреждений. «Наши работники, — отмечалось в циркуляре, — всегда должны помнить, что архивный документ в руках классового врага может быть использован во вред нашей партии и нашему государству». Предлагалось немедленно с особой тщательностью еще раз просмотреть личный состав подведомственных учреждений, руководящие должности следовало обеспечить «идеологически выдержанными, преданными и проверенными на деле работниками». Особой проверке подлежали вновь принимаемые сотрудники, а от беспартийных при приеме в архив требовались рекомендации коммунистов или отзывы об их прежней работе от общественных организаций.⁴⁹ Большой урон кадрам ленинградских архивов был нанесен в 1937 г. после ареста начальника Ленинградского областного архивного управления и одновременно руководителя Управления центральными государственными архивами в Ленинграде А. К. Дрезена за его якобы связь с «врагами народа». Дрезен был первым главой ЛОАУ, имевшим высшее историческое образование и даже защитившим докторскую диссертацию. После его ареста специальная комиссия, организованная для проверки личного состава, пришла к выводу, что состав работников архивов крайне «засорен» лицами из прибалтийских стран, а также людьми, имеющими родственников за границей, исключенными из ВКП(б) за связь с «врагами народа», состоявшими ранее в других партиях и т. п. По результатам проверки в ленинградских архивах было уволено 57 человек.⁵⁰

С конца 30-х годов начался очередной и наиболее жесткий этап засекречивания архивных документов, который заключался в полном поглощении архивной системы карательно-репрессивным органом — Народным Комиссариатом внутренних дел (НКВД). Можно даже сказать, что основная часть архивных документов в тот период была засекречена полностью. В апреле 1938 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР архивы страны, ранее состоявшие в подчинении ВЦИК, были переданы в ведение НКВД. 1-я конференция научных и руководящих работников системы Центрального архивного управления

в июле 1938 г. одобрила этот переход и в резолюции заявила: «Конференция приветствует переход архивных органов в ведение Народного Комиссариата внутренних дел и выражает уверенность, что под руководством славного соратника великого Сталина Н. И. Ежова архивные органы быстро ликвидируют все последствия вредительства и изживут болезни архивной системы».⁵¹ Однако вскоре Ежов превратился во «врага народа», и в декабре 1938 г. его сменил на этом посту Л. П. Берия.

Каков бы ни был внешний повод и последующие обоснования передачи всей архивной системы в ведение НКВД, несомненно, что передача была непосредственно вызвана стремлением установить прямой и полный контроль чекистского ведомства над всем массивом документов. Этот контроль давал возможность максимально эффективно использовать Государственный архивный фонд для обслуживания ведомственных задач по проведению массовых репрессий. Не случайно новый начальник Главного архивного управления (ГАУ) НКВД И. И. Никитинский, едва официально вступив в должность, в качестве главной задачи предписал «поставить на службу социалистическому строительству все материалы архивов на врагов народа, начиная с провокаторов, филеров, жандармов, кончая троцкистами и правыми» и представить эти документы «для оперативного использования органами НКВД». В циркуляре ГАУ от 16 сентября 1939 г. говорилось: «Установлено, что в архивах до настоящего времени остается не разобранным, не учтенным и не разработанным большое количество материалов, представляющих большой оперативный интерес для органов НКВД. ...Известно, что многие антисоветские элементы..., на которых имеются в архивах компрометирующие материалы, проживают на территории СССР и ведут вражескую работу. Однако все эти материалы в справочной работе архивов использованы не были. В циркуляре были определены, по чекистской терминологии, «контингенты политических окрасок», которые надлежало взять в первую очередь на картотечный учет.⁵² Этот мрачный по колориту документ стал переломной вехой в истории отечественных архивов и определил основной профиль их деятельности на долгие годы.

Архив Октябрьской революции перешел в ведение НКВД в марте 1939 г. После тщательной проверки по чекистским параметрам анкетных данных, социального происхождения и прочих политических качеств штатных работников основной состав архивистов остался гражданским, но административный персонал формировался главным образом из офицеров НКВД. Лишь в исключительных случаях к руководству допускались люди из числа «проверенных» работников архивных органов, которым также присваивалось воинское звание. Например, начальник ГАУ НКВД Никитинский имел звание капитана, а затем майора госбезопасности. Начальник Областного архивного управления имел погоны

⁴⁹ Корнев В. Е., Копылова О. П. Архивист в тоталитарном обществе... С. 36.
⁵⁰ Там же. С. 37; Никитинский А. П. Репрессии архивистов в 1930-х годах. С. 45.

⁵¹ Архивное дело. 1938, № 3 (47). С. 234—235.

⁵² Хорхориди Т. И. История Отечества и архивы... С. 249.

старшего лейтенанта госбезопасности. После перехода в систему НКВД главной работой архива стало обслуживание оперативных интересов теперь уже своего ведомства. С этой целью в архиве был создан отдел секретных фондов, который, по установке ГАУ, должен был иметь «колоссальную политическую значимость». На одном из совещаний в ноябре 1939 г. И. И. Никитинский подчеркнул: «Задача отдела секретных фондов — это почетнейшая партийная задача... Мы руководим работой по разоблачению врагов народа. Партия оказывает нам колоссальное доверие...».⁵³ Работа приняла тотальный характер. Около пятнадцати лет архивисты проводили выявление документов о почти трех десятках категорий подозрительных лиц и «врагов народа». На каждого составлялась так называемая «алфавитная спецкарточка» особой формы, где, помимо общих биографических данных, заполнялись графы «политическое прошлое», «социальное положение», «судимость» и т. д., а на обороте приводились дополнительные компрометирующие сведения. Были созданы картотеки и списки на лишенных избирательных прав, «троцкистов», «зиновьевцев», эсеров, меньшевиков, оптантов, ренатриантов, реэмигрантов, «агентов, разведчиков и шпионов иностранных государств» и т. п. поголовно были взяты на картотечный учет работники иностранных концессий и совместных с зарубежными странами акционерных обществ и предприятий, существовавших в 20-е годы. Всего на этих работников по Ленинградской области в течение 1939—1940 гг. было составлено 52 737 карточек.⁵⁴ В период Отечественной войны велось выявление материалов о гражданах немецкой и финской национальности, о людях, оказавшихся на оккупированных территориях. Кроме того, после передачи архива в НКВД начал быстро расти объем засекреченных материалов. На специальное хранение передавались целые фонды, как, например, фонды комиссий по лишению избирательных прав, фонды концессионных и совместных предприятий. Всего было изъято из открытого использования 84 фонда, содержащих более 100 тысяч дел.⁵⁵ В июле 1939 г. ГАУ дало указание изымать из фондов и отправлять в секретный отдел документы, подписанные «врагами народа». Вскоре выяснилось, что это технически сложно осуществить, и указание пришлось отменить.⁵⁶ Затем стали полностью засекречиваться фонды, в которых имелись документы и автографы «врагов народа», в частности был отправлен в спецхран один из крупнейших и важнейших фондов архива — Петроградского Совета, возглавлявшегося долгое время Г. Е. Зиновьевым. По той же причине были засекречены руководящие органы Союза коммун Северной области.

⁵³ Цит. по: Хорьковская Т. И. Архивы и тоталитаризм (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 156.

⁵⁴ Кирилов В. Е., Котельникова О. П. Архивы на службе тоталитарного государства... С. 23.

⁵⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга: Путеводитель. (Рукопись). С. 8.

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 65. Д. 89. Л. 4.

Все формы использования архивных документов вне целей ведомств НКВД были подчинены идеологической задаче. Впрочем, научное использование документов в конце 30-х—начале 40-х годов было минимальным. К концу Отечественной войны их использование несколько расширилось, что было связано в основном с проблемами восстановления города. За 1944 г. в читальном зале архива занималось 55 человек, но это были главным образом инженеры и научно-технические работники, которые работали с генеральными и техническими планами предприятий, с документацией по водопроводной системе, центральному отоплению зданий и т. д.⁵⁷ После окончания войны были сделаны некоторые послабления в части использования и публикации архивных документов, но, разумеется, под жестким политико-идеологическим контролем. В сентябре 1945 г. архивы получили статус «научно-исследовательских учреждений», в них были организованы отделы использования и публикации, а в ноябре нарком НКВД Л. П. Берия утвердил новую «Инструкцию о порядке пользования документальными материалами Государственного архивного фонда СССР в читальных залах», которая была предназначена исключительно для служебного пользования и посетителям читальных залов не объявлялась. Этой инструкцией вводились большие ограничения на право делать выписки из документов. Теперь их проверка должна была производиться не заведующим читальным залом, как в 20-е—30-е годы, а лично начальником государственного архива, и только с его разрешения они могли быть выданы под расписку посетителю.⁵⁸ Полагалось возможным посещение читального зала иностранными гражданами, но только с разрешения начальника ГАУ НКВД или его заместителя. Советским гражданам для работы в архиве нужно было оформлять специальный допуск. В первый год после утверждения «Инструкции» читальный зал архива посетило очень ограниченное количество исследователей. За весь 1946 г. было заведено всего от 6 до 8 дел читателей, из которых только одно было полностью сформировано. Остальные были лишь оформлены для допуска или получения фотокопий. Только с 1947 г. ежегодное число посетителей начало расти, достигнув к 1948 г. почти 200 человек. Теперь уже большую часть из них составляли историки — аспиранты и диссертанты.⁵⁹

После создания отдела использования на короткое время вновь расширилась публикационная деятельность. С 1945 г. архив возобновил работу над замороженными в середине 30-х годов сборниками, а также начал выявление документов для новых публикаций. За три послевоенных года было подготовлено пять сборников документов в рамках идеологически выдержанной тематики «Коммунистические субботники Петрограда в

⁵⁷ Там же. Оп. 11. Д. 69. Л. 3—3 об.

⁵⁸ Там же. Д. 1. Л. 137—139 об.

⁵⁹ Там же. Оп. 12. Д. 7. Л. 7; Суевлов Е. Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 154.

1919—1921 гг.», «Соцсоревнование и ударничество в Ленинграде в первую сталинскую пятилетку» и т. п. Однако успели выйти в свет только два сборника: «Комитеты деревенской бедноты Северной области» и «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.». К 1949 г. политические условия в стране вновь ужесточились, и публикационная работа замерла. В 1948 г. была даже впервые подготовлена рукопись «Путеводителя по фондам Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области» (ГАОРСС ЛО). Но в 50-е годы путеводитель так и не вышел в свет. И это неудивительно. Скорее странным может показаться то, что в путеводителе, предназначенном для открытой печати, назывались и аннотировались фонды, находившиеся в то время на секретном хранении. И все же в 1948 г. журнал «Вопросы истории» опубликовал информацию о ГАОРСС, написанную начальником отдела использования архива Е. Суеловой, в которой также было упомянуто несколько засекреченных фондов.⁶⁰

Это парадоксальное противоречие между стремлением властей закрыть доступ к архивным материалам, с одной стороны, и необходимостью их использования как в политико-идеологических целях, так и для создания полнокровной советской истории — с другой, казалось бы, начало частично преодолевается с наступлением хрущевской «оттепели». В феврале 1956 г. Совет Министров СССР принял известное постановление «О мерах по урегулированию режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», в котором предлагалось перевести на общее хранение необоснованно засекреченные документы. В постановлении разрешалось также «использование в научных целях и публикация в открытой печати документов, являющихся результатом коллегиального руководства партийных и советских органов, но подписанных лицами, впоследствии отстраненными от руководства».⁶¹ Под этими лицами подразумевались, разумеется, «враги народа». На практике публикация таких документов стала осуществляться как бы с «фиговым листком» — под текстом документа указывалась только должность, без подписи и фамилии: некоторые фамилии из текста изымались без всяких оговорок. В соответствии с постановлением Совета Министров в ГАОРСС уже к 1958 г. было извлечено из спецхрана более полусотни тысяч дел, в том числе фонды Петроградского Совета и некоторых акционерных компаний. Затем в течение трех лет были рассекречены документы периода 1917—1930 гг. по фондам милиции, ревтрибуналов, совнархозов, трестов и другим. В связи с кампанией открытия архивов вполне логичной акцией стало изъятие архивной системы из подчинения МВД и

передача их в январе 1960 г. в непосредственное ведение Совета Министров.

С конца 50-х годов архив вновь развил активную публикационную работу. Кроме тематических сборников, отбор документов для которых неизбежно носил политически заданный характер, в середине 60-х годов впервые был издан подлинно научный видовой сборник — трехтомник протоколов заседаний районных Советов Петрограда в 1917 г. Это издание стало большим событием для отечественных и зарубежных исследователей истории революции 1917 г. В 1962 г. был впервые опубликован путеводитель по фондам ГАОРСС.

Однако архивная «оттепель» продолжалась недолго: в начале 60-х годов пошел попятный процесс. Рассекречивание прекратилось, некоторые фонды снова отправились в спецхран. Более того, началась работа по выявлению документов ограниченного доступа (или допуска). Они не были секретными и даже не имели грифа «для служебного пользования», но по политико-идеологическим соображениям изымались из свободного доступа, не разрешались к публикации и подвергались другим ограничениям.⁶² К запрету на информацию о пресловутых «врагах народа» прибавился запрет на доступ к документальным памятникам «культы личности», а позднее — и к образчикам так называемого хрущевского «волонтаризма». Таким образом, парадокс исторического развития советского подхода к политизации архивных документов и, как следствие, ограничению доступа к ним заключался в неизбежности запрета на информацию о каждом очередном этапе политического развития страны. Если в начальный период советской власти это были документы о деятельности каких-либо реальных врагов: агентов тайной полиции, жандармов, провокаторов, то со временем основную часть запретных материалов составили документы, связанные с деятельностью и именами партийных и советских руководителей разного уровня и вообще людей, проявивших наибольшую общественную активность. Каждое новое поколение прибавляло новые имена. Это был тяжкий груз для архивов. Но он был естественным следствием политики массовых политических репрессий, а также шельмования каждым новым руководителем своего предшественника. На политическую бессмысленность этих репрессий указывала известная исследовательница тоталитарных систем Ханна Арендт. Она писала: «Ни одно из этих гигантских жертвоприношений человеческих жизней не оправдалось разумными государственными интересами в старом смысле этого термина. Ни один из уничтоженных слоев общества не был враждебен режиму и, вероятно, не стал бы враждебен в предвидимом будущем».⁶³ Так что подход к политизации

⁶⁰ См.: Там же. С. 152.

⁶¹ Научно-информационный бюллетень ГАУ. 1956. № 1. С. 4; Яковлев Л. И., Кондратьев В. А. Новое в работе советских архивов // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 192—193.

⁶² Елизаровский А. В. О рассекречивании архивных фондов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 16.

⁶³ Арендт Х. Происхождение тоталитаризма // Тоталитаризм: Что это такое? (Исследования зарубежных политологов). М., 1993. С. 36.

архивных документов был в такой же мере бессмыслен, как и сама политика массовых репрессий.

Утвержденные в 1964 г. новые правила использования архивных материалов через читальный зал⁶⁴ формально упростили доступ исследователей к документам, но сопровождалось множеством негласных оговорок. В частности, архивистам предписывалось не выдавать документы, обнародование которых может «нанести ущерб интересам советского государства» (как видим, очень неопределенная формулировка, дающая возможность произвольных толкований), запрещалась выдача уже упомянутых документов, «проникнутых духом культа личности». Материалы, поступившие в свое время из высших органов власти и управления, могли использоваться только с разрешения соответствующего фондообразователя. Следовательно, по-прежнему сотрудники архива продолжали выполнять роль цензоров и нести ответственность за содержание используемых документов. В начале 70-х годов по указанию ГАУ в Архиве Октябрьской революции была разработана специальная памятка по выявлению документов ограниченного допуска, а затем их список, в который вошли около 70 фондов полностью и перечень отдельных дел. В списке оказались именно те фонды, которые в свое время изъяти из спецхрана: органов местной власти и Союза коммун Северной области, тесно связанных с деятельностью Зиновьева и других руководителей; Редакции по истории Ленинградского Совета; некоторые фонды личного происхождения; Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, многие члены которого были репрессированы и в фонде которого содержалось большое количество воспоминаний, связанных с деятельностью будущих «врагов народа». Кроме «ограниченного допуска», установилась практика «сейфового хранения»: дело, содержащее особо «вредный» в политико-идеологическом отношении документ, изымалось из фонда и хранилось в сейфе ответственного сотрудника.

В 1979 г. понятие «документы ограниченного допуска» было официально закреплено «Правилами работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР».⁶⁵ Разумеется, никаких рекомендаций по определению состава этой категории документов ГАУ не могло дать. Неопределенность этого понятия ставила в сложное положение работников архива, вынужденных опять выступать в роли цензоров и гадать, использование каких именно документов следует ограничивать. В конце концов решено было руководствоваться цензурными перечнями Главлита. В результате к началу 1987 г. в Архиве Октябрьской революции на ограниченном допуске числилось около 400 тыс. дел, что составляло 14% всего объема архива.⁶⁶ Внушительная цифра, особенно если учесть то обстоятельство, что более двух третей документов

ограниченного допуска составляли материалы довоенного периода, которые в наибольшей степени интересовали исследователей.

В 1981 г. были официально утверждены правила ведомственного ограничения доступа к документам определенных категорий фондов архива. Для работы с материалами таких фондов, как органы статистики, комитеты народного контроля, исполкомы Ленгорсовета, Леноблсовета, районные советы города за послевоенный период исследователь должен был представить разрешение о допуске к этим документам от соответствующих учреждений-фондообразователей.⁶⁷

Особое место в работе архива занимало обслуживание иностранных исследователей. Оно вызывало наибольшую, так сказать, «головную боль» у архивистов. Иностранцы допускались к работе только с разрешения вышестоящих архивных органов. Они заранее оповещали архив о своем приезде и направляли анкету с перечнем интересующих их вопросов. Ни описи, ни какой-либо другой справочный аппарат им не выдавался. Архив по заявленной теме должен был проводить выявление документов, использование которых «не может нанести ущерба Советскому государству». Отобранные дела просматривались лично начальником отдела использования и директором архива. При оценке документов отобранных дел рекомендовалось принимать во внимание их политическое значение, возможность «многоаспектного использования», опубликованность и т. д., а также учитывать личность исследователя и его тему. Запрещалось «конвертовать» дела, т. е. предоставлять иностранному исследователю право пользования частью дела, другая часть которого выдаче не подлежала. Иностранцам отводилось специальное помещение, где они работали под наблюдением специально назначенного сотрудника. Сложность подобного «обслуживания» иностранных исследователей усугублялась тем, что почти все они присылали список конкретных документов, которые желали увидеть, с архивными ссылками, составленными по публикациям советских авторов.

Лишь с 1987 г. начался процесс пересмотра материалов ограниченного допуска и спецхрана. В течение нескольких лет были сняты ограничения на несекретные документы и несколько десятков тысяч дел рассекречены. Основная часть этих материалов относится к раннему периоду советской власти и 20—30-м годам. В 1992 г. по «Временному положению о порядке доступа к архивным документам»⁶⁸ были рассекречены все без исключения материалы по 1942 год, содержащие гриф секретности. Это Положение облегчило пользование архивами через читальный зал как для отечественных исследователей, так и для иностранцев.

Таким образом, архивная политическая цензура в своем развитии прошла несколько этапов. Первый из них, охватывающий примерно период 20-х годов, характеризовался превращением ар-

⁶⁴ Правила использования архивных материалов через читальный зал. М., 1964.

⁶⁵ ЦГА СПб. СИФ. № 1446.

⁶⁶ Там же. Ф. 924. Оп. 9. Д. 225. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Д. 117а. Л. 5—13.

⁶⁸ Временное положение о порядке доступа к архивным документам и правилах их использования. М., 1992.

хивов в документальную базу Истпарта и усилением ограничения доступа к документам. На протяжении второго этапа, с конца 20-х по 1938 г., архивы начинают засекречиваться, становясь источником компромата для оперативных разработок ОГПУ—НКВД. На третьем этапе, с 1938-го по середину 50-х годов, НКВД полностью поглощает архивную систему и делает документы практически недоступными. И, наконец, четвертый этап, с середины 50-х по конец 80-х годов, начавшийся частичным рассекречиванием материалов, отмечен появлением в качестве альтернативы секретному документу документа «ограниченного допуска», формально не секретного, но закрытого для исследователя исключительно по политико-идеологическим мотивам.

THE PRACTICE OF THE POLITICAL «CENSORSHIP» OF THE SOVIET ARCHIVAL DOCUMENTS IN LENINGRAD, 1920s—1980s

In the article the practice of a restriction of an access to archival documents on all stages of the Soviet regime is investigated on an example of Leningrad archives, and first of all — the Archive of the October Revolution. The hard line in the regulation of an admission to an archival information which had been leading in 1920s, at first by the Communist Party, and then by the GPU (secret police), had resulted at the end of 1930s in seizing of the archival office by the state repressive body — NKVD, and in setting the utmost secrecy of the documents. From 1960s, the document «of the limited admission» became an alternative to the secret document. In the article all aspects of this process in aggregate are considered, including: the closing of the «political documents» by the creation of the archives' «political sections» and secret departments, the restriction of a use of documents through a reading room, the «cleaning» and «communisation» of archivists' staff, the conditions of a publishing activity of the archive etc.

Г. И. КОРОЛЕВ

ПУБЛИКАЦИИ АКТОВЫХ ПЕЧАТЕЙ В СЛОВАКИИ И ЧЕХИИ*

Известия об издании печатей за рубежом появляются у нас не часто.¹ Мы остановимся на словацких и чешских публикациях второй половины XX в. Не ставя цели дать библиографически полный образ сфрагистической археографии, покажем основные направления и формы ввода интересующих нас источников в оборот. Публикации относятся к периоду существования Чехословакии. В этот период общечехословацких сфрагистических публикаций не было, источники издавались в рамках словацкой либо чешской исторической науки.

По сведениям научной печати можно составить представление о работе над эвристической базой сфрагистики. Сообщалось, что в 1972 г. на конференции чешских архивистов обсуждались проблемы составления перечня матриц и описания цеховых печатей.² В периодике появлялись материалы, в частности в виде проекта правил, о каталогизации и описании сфрагистических памятников.³ В некоторых архивах были подготовлены описания коллекций матриц.⁴ Приводились сведения о матрицах, хранящихся в зарубежном собрании.⁵ Описания сфрагистического материала можно найти в работах по отдельным темам, например в статье о печатях с сельскохозяйственной тематикой.⁶

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-01-00306а).

¹ О некоторых аспектах публикации печатей в XIX—XX вв. см.: Королев Г. И. Сфрагистическая археография за рубежом // Гербовед. 2000. № 3 (41).

² См.: Čarek J. Poznámky k Seopisu typárů // Archivní časopis. 1973. С. 1.

³ Müller K. 1) Revize evidence typárů v severomoravských archívech // Archivní časopis. 1987. С. 1; 2) Návrh pravidel pro zpracování typárů a dalšího sfragistického materiálu (pečetí, odlitků pečetí) // Archivní časopis. 1989. С. 4 (проект правил).

⁴ См. перечни изданных описаний: Müller K. Revize... S. 212; Id. Návrh... S. 215.

⁵ Novák J. Pečatidla zo Slovenska v Budapešti // Sborník archivních prací. 1959. С. 2.

⁶ Markuš M. Erby a pečete s poľnohospodárskou tematikou v zbierkach Východoslovenského múzea v Košiciach // Agrikultúra: Sborník Poľnohospodárskeho múzea v Nitre. 1963. С. 2.